

Н. Г. Кедров

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НИКОЛО-МОДЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В 1920-е ГОДЫ (к истории хозяйственно-культурных центров)

Развитие монастыря в постреволюционную эпоху уже неоднократно становилось объектом исторического изучения¹. Как правило, исследователей привлекали различные аспекты взаимоотношений Советского государства и православного монастыря. Признавая государственно-церковные отношения как первенствующий в 1920-е годы фактор происходящих с монастырем изменений, мы хотели бы сосредоточить внимание на эволюции монастыря как хозяйственно-культурного центра. Из изучения хозяйственной жизни Николо-Моденского монастыря 1900-х годов видно, что он занимал определенное место в системе хозяйственно-культурных центров Устюженского уезда, выполняя ряд важных экономических функций (хозяйственной доминанты, места стягивания и пересечения экономических связей, агротехнического центра и др.)². Изучение материалов Государственного архива Вологодской области (далее – ГАВО) и архива Устюженского краеведческого музея (далее – УКМ) позволяет восстановить основные вехи развития Николо-Моденского монастыря в этих аспектах. Однако вместе с тем следует отметить неполную сохранность архива монастыря соответствующего периода. К примеру, из приходо-расходных книг нам известны лишь две 1918 – 1919 годов в ГАВО и за 1925 – 1926 годы в архиве УКМ. Другие документы лишь частично дополняют картину экономической жизни монастыря. Кроме того, необходимо отметить, что в 1920-е годы наблюдается разрушение основ хорошо налаженной до революции системы монастырского делопроизводства. Так, записи в приходо-расходных книгах становятся более краткими, теряя при этом часть информации. Доклады настоятеля монастыря из строго регламентированных превращаются в свободные, тематические по своему содержанию.

Хозяйственное положение Николо-Моденского монастыря в послереволюционный период меняется коренным образом. Декрет об отделении церкви от государства, принятый 20 января 1918 года, юридически лишил церковные организации, в том числе и Николо-Моденский монастырь, всей собственности (земли, строений, капиталов) и государственной поддержки. Но эти преобразования в глубинке первоначально шли медленно и в монасты-

ре продолжали вписывать в приходно-расходные книги все ранее принадлежавшие ему ценные бумаги. Разумеется, что никаких доходов с них он уже не получал. Точная информация о новом правовом положении церкви пришла в обитель только весной 1919 года. 20 мая 1919 года монастырем была приобретена брошюра «Положение об отделении церкви от государства», а вскоре в Череповец на утверждение был отослан устав создаваемой при монастыре трудовой артели³. Такая форма организации была необходима для сохранения хотя бы части хозяйства. Не прошла мимо монастыря и государственная конфискационная политика. Еще в 1918 году у него были отняты мельница на реке Шалочь и дома в городе Устюжне. Причем, власти за принадлежащую монастырю собственность собрали окладной сбор в сумме 1500 руб., а затем ее национализировали⁴. В 1919 году политика государственного отчуждения получила свое продолжение, сменив лишь конфискационные формы на реквизиционные. Так, в мае 1919 года монастырь был вынужден поставить для нужд Красной Армии 8 туш скота⁵. Монастырь, правда, получил денежную компенсацию, но, тем не менее, такие изъятия значительно подрывали монастырское хозяйство. К непосредственным изъятиям добавлялась необходимость выплачивать возросшие налоги. В январе монастырь уплатил 1000 руб. так называемого «чрезвычайного революционного налога», а в июле - 500 руб. местных волостных налогов.

Конечно, на местах в практике взаимоотношений государства и церкви тех лет существовали и случаи номинального сотрудничества. Монастырь, например, за денежную плату отвозил на своих лошадях в Устюжну чиновников местного ВИКа⁶. Последний же свидетельствовал в пользу монастыря вышестоящим властям о том, что монахи самостоятельно ведут хозяйство и участвуют в трудовой деятельности⁷.

Лишившись значительной части доходов, Николо-Моденский монастырь был вынужден сосредоточить свою деятельность на оставшихся источниках содержания и, в частности, на ведении хозяйства, чему способствовало сохранение при монастыре части земли и инвентаря. К декабрю 1921 года при монастыре оставалось: 43 дес. пахотной земли, 14 дес. сенокосной и 91 дес. неудобной, что составляло 66% от прежних владений. Остальная часть земель была занята крестьянами соседних деревень. Остался и инвентарь. Также в хозяйстве монастыря было: 4 лошади, 10 коров, 4 быка. Продолжала вестись трехпольная обработка земли⁸. В целом, пережив волну реквизиций, монастырское хозяйство продолжало более или менее успешно действовать, частично обеспечивая насельников продуктами. Однако, монастырь не мог существовать в тех условиях только за счет хозяйственной деятельности.

В 1920-е годы увеличивается доля доходов от богослужебной практики, которая составляла более 50% всех доходов монастыря. Резко возросло число вкладов в монастырь. Особый пик по количеству этих вложений приходится на 1920-1921 годы⁹. Нестабильность эпохи и чувство близкого присутствия в мире смерти заставляли людей задуматься о спасении как своей души, так и душ близких. Число вкладов за эти два года превысило количество вложений за два предыдущие десятилетия. Самый крупный из них был внесен 12 декабря 1921 года служащим банка И. А. Борщевым и составлял 50 000 руб. Огромное значение приобрели ежегодные хождения с иконой Святителя Николая Чудотворца. Помимо денежных поступлений монастырь во время их получал значительные натуральные сборы. Нам известны сведения о таких поступлениях за 1922 год. Они красноречиво свидетельствуют о величине этих сборов. Тогда было собрано в 13 различных деревнях: 38 ½ меры (1010,24 л) ржи, 180 мешков овса, 21 мешок льна, 11½ мешка и 21 каравай хлеба, 4 меры (104,96 л) ячменя¹⁰. Все это было ценным подспорьем в монастырском быту того времени, а в случае необходимости могло быть и продано.

Но время такого сравнительно сносного существования обители продолжалось не долго. В 1923 году государственные органы начали новое наступление на монастырь. Земли у него были отняты и весь инвентарь увезен¹¹. У монастырской общины, по-видимому, оставался еще незначительный участок земли при Шалочской пустыни в нескольких верстах от монастыря – последний оплот самостоятельного монастырского хозяйства. Но и он был годом позже отобран вместе со всеми хозяйственными постройками¹². Этим событием и завершилась активная хозяйственная деятельность монастыря в советскую эпоху.

По пути сокращения шли изменения и в отношении хозяйственных связей монастыря. В 1918-1919 годах монастырь продолжал практиковать найм рабочих и поденщиков¹³. Реорганизация в артель вынудила его отказаться от применения наемного труда со стороны. Теперь сельскохозяйственное производство при нем было ограничено узким кругом лиц – монастырской общиной. Интересно и другое – хозяйственные контакты Николо-Моденского монастыря с крестьянской средой посредством найма на отдельные работы или мелких покупок существовали, как и прежде, но уже в 1919 году они ограничивались узким кругом деревень, соседствующих с монастырем. Фактически к этому времени у монастыря исчезла периферия хозяйственных связей внутри уезда. Тем не менее, на уровне волости он оставался значимым центром хозяйственных связей.

Постепенно уменьшается и количество хозяйственных связей за пределами уезда. Известно, что монахи выезжали в начале XX века за закупками в Санкт-Петербург, Ярославль и др. города. В 1923 году монастырь, по всей видимости, все еще тратил значительные средства на путевые издержки. В сохранившейся «выборке о расходе» они занесены в одну графу с канцелярскими расходами и составляют одну из главных статей издержек монастыря¹⁴. С течением времени это положение изменилось. В 1925-1926 годах члены монастырской общины уже никуда далее Устюжны и Весьегонска не ездили. Объяснением этому может служить ряд причин. Во-первых, сокращение денежных поступлений и увеличение доли налогов не могло не сказаться на финансовом положении монастыря, и ему было затруднительно выискивать средства для поездок. Во-вторых, власти с подозрением смотрели на путешествующих монахов. К примеру, настоятелю иеромонаху Варлааму для поездки в 1921 году в Тихвин пришлось брать с собой специальное удостоверение в монастырской общине¹⁵. И, в-третьих, после уничтожения монастырского хозяйства состав приобретаемых монастырем товаров значительно меняется. Удовлетворить сократившиеся потребности монастыря (главным образом, в продуктах) оказалось возможно ресурсами местного рынка, чему способствовало развитие кооперации в период НЭПа. В общем же наблюдается уменьшение хозяйственных связей монастыря и их концентрация в пределах округи.

В последние годы перед закрытием Николо-Моденский монастырь ведет полунищенское существование. Увеличивается по сравнению с дореволюционным периодом (см. приложение) доля отчислений государственным и церковным органам. Усиливается потребительский характер системы монастырского хозяйства, вследствие чего растет доля расходов на содержание братии. Приходная часть его бюджета тогда состояла из доходов от богослужebной практики, пожертвований и различных продаж. Что касается последних, то продавалось то, что было собрано от хождений, и то, что еще оставалось в монастыре. В январе 1926 года монастырь продал, к примеру, на 17 руб. 44 коп. некие старинные деньги¹⁶. Вероятно, в расход уже пошли последние из оставшихся в стенах монастыря не богослужebных ценностей. Все-таки монастырь оставался важным духовным центром. О его значимости говорит тот факт, что настоятель монастыря игумен Варлаам во второй половине 1920-х годов был возведен в сан архимандрита¹⁷.

В сентябре 1929 года на пленуме РК ВКП(б) был затронут вопрос о Николо-Моденском монастыре. Участник пленума Соколов обратил внимание на неправильное обложение монастыря. По его мнению, налоги на

монастырь были занижены и, что «по самым скромным подсчетам» доходность монастыря за два последних года достигает 17500 рублей, тогда как налоги взимаются с 900 рублей¹⁸. Отсутствие прихода-расходных книг не позволяет подтвердить или опровергнуть эту информацию. Однако в 1925 – 1926 годах доход обители составлял 1400 – чуть более 1700 рублей. Вскоре после этого монастырь был закрыт.

Таким образом, в советский период существования обители наблюдается движение по пути уничтожения хозяйства и ограничения хозяйственных связей. Эти тенденции четко укладываются в логику историко-географических процессов, происходящих на территории уезда. В 1920-е годы в уезде идет трансформация системы хозяйственно-культурных центров, свертывание старых и возникновение новых¹⁹. Свертывание Николо-Моденского монастыря как хозяйственно-культурного центра было растянуто во времени и имело свои этапы.

1. 1918-1919 годы. Ограничение хозяйственной деятельности, установление государственного контроля над организационной структурой монастыря.

2. 1923-1924 годы. Уничтожение монастырского хозяйства. Полная утрата монастырем своих производственно-хозяйственных функций.

3. 1929 год. Закрытие монастыря.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в России (1917—1921 гг.). – М., 1975; Козлов В. Монастыри России в первые годы после революции // Журнал Московской патриархии. 1993, № 4; Зенкова О.Б. Монастырская коммуна // Великий Устюг. Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1996. С.132-152; Она же. « Мы наш, мы новый мир построим...» (Из истории преобразования устюжских монастырей после революции 1917 года) // Великий Устюг. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000. С.108-133; см. также соответствующие материалы в сборниках: Монастыри в жизни России. – Калуга – Боровск, 1997; Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований. – Вологда, 2001.

² См.: Кедров Н. Г. Провинциальный монастырь в системе хозяйства уезда (на материалах Николо - Моденского монастыря) // Региональные аспекты... С.275-282.

³ ГАВО. Ф. 1009. Оп. 1. Д.413. Л.86, 92. Вопрос о создании артели и ее организации рассмотрен М. Ю. Хрусталевым, вследствие чего мы его упускаем. См.: Хрусталев М. Ю. Николо-Моденский монастырь: страницы истории // Устюжна. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 1995. С.187.

⁴ ГАВО. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 413. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 85 об.

⁶ Там же. Л. 91 об.

⁷ УКМ. Ф. 3(Ц). К. 40. Д. 21/12; Хрусталева М. Ю. Указ. соч. С. 187.

⁸ УКМ. Ф. 3(Ц). К. 40. Д. 21/12.

⁹ УКМ. КП. 2974. Рук. 48. Синодик Николаевского Моденского монастыря.

¹⁰ УКМ. Ф. 3 (Ц). К. 40. Д. 21/12.

¹¹ Подробнее см.: Хрусталева М. Ю. Указ. соч. С. 187-189.

¹² УКМ. Ф. 3 (Ц); К. 40. Д. 21/12.

¹³ ГАВО. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 413.

¹⁴ УКМ. Ф. 3 (Ц). К. 40. Д. 21/12.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. К. 39. Д. 21/9.

¹⁷ Там же. К. 11. Д. 2/20.

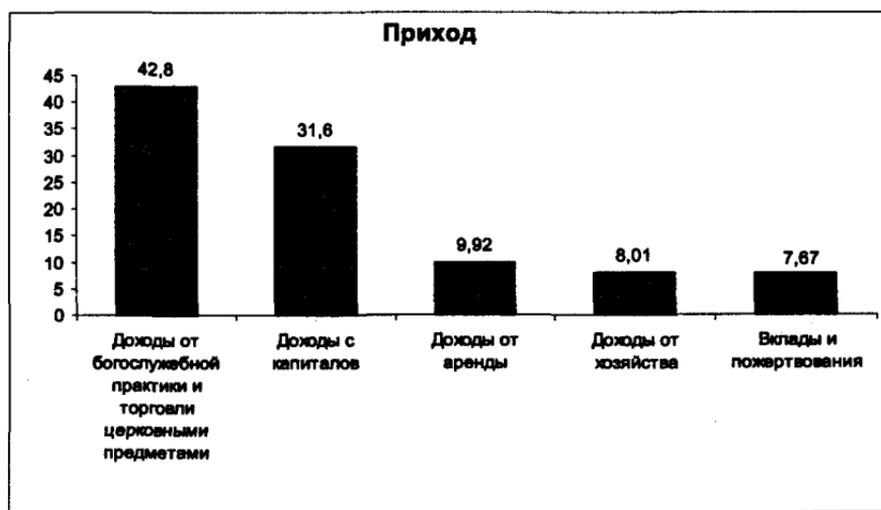
¹⁸ ВОАНПИ. Ф.2264. Оп. 1. Д. 42. Л.16.

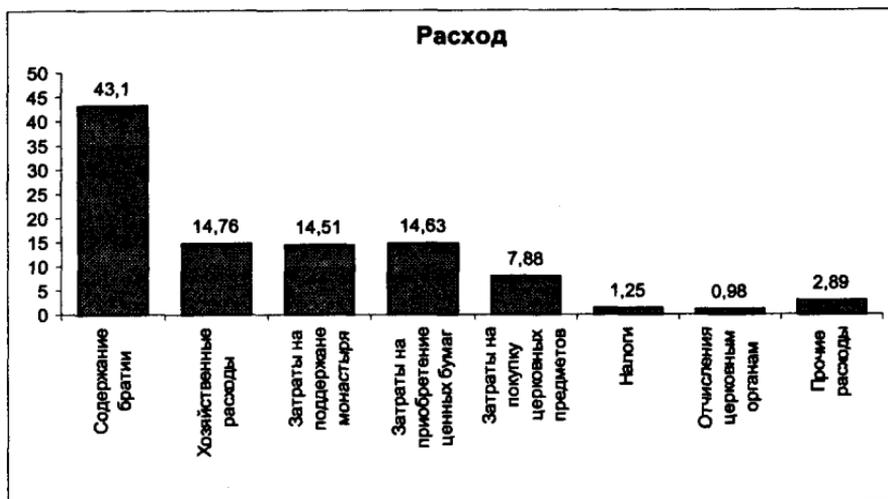
¹⁹ О становлении новых хозяйственно-культурных центров см.: Колесников П. Формирование хозяйственно-культурных центров на селе (по материалам Устюженского района) // Вологодский край. Выпуск 3. Вологда, 1962. С. 35-43.

Приложение

Изменение структуры бюджета Николо-Моденского монастыря

Структура бюджета за 1910 год (в процентах)

Составлено по: ГАВО. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 408.

Структура бюджета за 1925 год (в процентах)

Расход

Составлено по: УКМ. Ф. 3 (Ц). К. 39. Д. 21/9.